

АНАЛИЗ КАТЕГОРИИ «РЕНТА» В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ

Л. Н. Даниленко

В последние годы исследователи нередко определяют специфику социально-экономической системы, сложившейся в современной России, через понятие «рентная экономика». В этой связи важно разобраться с экономической природой ренты как категории экономической науки. В статье рассмотрены противоречивые определения, характеристики, суждения, касающиеся данной социально-экономической категории. Показано, что изменения в экономическом базисе современных социальных отношений обуславливают расширение перечня рентных ресурсов, что предопределяет появление новых видов рентных доходов и новые социально-экономические противоречия. Сделан вывод, что искать ответы на многие хозяйственные, социальные и политические вопросы современной России следует в феномене рентоориентированного поведения экономических акторов.

Исследования рентной проблематики насчитывают уже не одну сотню лет, а тема по-прежнему остается актуальной. «Экономические теории ренты... являются еще весьма несовершенными; среди авторитетных специалистов существуют различные подходы к определению, объяснению и выводам относительно доходов, получаемых не в виде заработной платы», пишут американские авторы [20, с. 176]. Схожее замечание делают и российские ученые, отмечая, что «вопрос о ренте... — один из самых сложных в политэкономии и во многом запутанных как с теоретической, так и с практической точек зрения» [3, с. 24].

Например, Е. Карпиков считает, что сегодня следует говорить не только о традиционных

факторах производства и связанных с ними формах дохода, но о рентном факторе производства, который позволяет его владельцу получать дополнительный доход сверх некоего среднего уровня. При этом под рентным фактором исследователь имеет в виду «разнообразного рода ресурсы (прежде всего природные), которые в результате своей экономической эксплуатации позволяют их монопольному владельцу (собственнику, пользователю) получать дополнительный рентный доход (сверхприбыль) на продукт или услуги» [13, с. 18].

Но ведь так понимаемый рентный ресурс и есть традиционный фактор производства «земля», которому соответствует традиционный факторный доход «рента»? О земле и дру-

гих природных ресурсах как о рентном факторе ученые говорят уже не одно столетие (как и о ренте, как одном из вариантов факторного дохода). По нашему мнению, сегодня говорить надо не столько о традиционных ресурсных факторах производства, которые, будучи задействованными в процессе производства, приносят своим владельцам некий сверхдоход, сколько о неэкономических ресурсах, способных генерировать рентные доходы.

К примеру, во все времена факт обладания средствами производства являлся основой для эксплуатации других людей. Но в настоящее время главным ресурсом, позволяющим эксплуатировать человека человеком, является административный ресурс — должность и положение, занимаемое субъектом. Вопрос о собственности стал менее значимым, чем вопрос об управлении. Основная масса национального богатства в современном обществе присваивается не столько собственниками производства, сколько администраторами (чиновниками, топ-менеджерами). Судьба компаний все больше зависит не от тех, кто ими формально владеет, а от тех, кто ими реально руководит. Административный ресурс нематериален по своей природе, но это не делает его менее эффективным в плане возможности эксплуатации другого человека и извлечения административной ренты. Что касается России, то в нашей стране всегда огромное значение имел властный ресурс, позволяющий извлекать политическую, статусную ренту. А. Олейник, отмечая зависимость распространения разных форм ренты от институциональной среды, приводит такой пример: в русскоязычных документах (найденных им 26.03.2009 через поисковик «Google») относительная частота использования выражений административная рента и ресурсная рента составляет 2,2 к 1, в то время как в документах на английском языке — 1 к 34,5 [25, с. 58].

В данной работе мы сосредоточимся на таких характеристиках и определениях ренты, которые допускают двойные толкования и противоречивые суждения, касающиеся данной социально-экономической категории.

В научной экономической литературе в основном используется понятие ренты, опирающееся на труды классиков политической экономии, а значит, связанное с природной рентой — доходом, возникающим в связи с различающимися условиями эксплуатации природных ресурсов (земли, лесов, недр и т. п.). «В данном случае рента представляет собой дополнительный доход от эксплуатации

лучшего природного объекта, не требующего от пользователя (предпринимателя) больших затрат в виде труда и капитала. Такой дополнительный (рентный) доход и принадлежит собственнику природного объекта», отмечает С. Кимельман [16, с. 85]. «В традиционной версии рента есть форма специфического дохода, получаемого при использовании земли и других природных ресурсов — как истощаемых, так и воспроизводимых», — подчеркивает В. Рязанов [26, с. 4].

Как подчеркивают ученые, именно фиксированное количество природных ресурсов отличает рентные платежи от других факторных доходов (процента, заработной платы). «Залежи нефти, железной руды или меди представляют собой капитальный актив... точно так же, как... здание, или какое либо другое воспроизводимое капитальное благо. Единственное различие... заключается в том, что природные ресурсы исчерпаемы, в результате чего их существующий запас не может никогда увеличиться с течением времени. Он может — только сократиться или... остаться прежним», — пишет нобелевский лауреат Р. Солоу [30, с. 306].

Фиксированный характер предложения ресурсов означает, что предложение как экономическая категория — пассивно, а единственным фактором, определяющим ренту, выступает спрос. При этом сама рента не оказывает никакого стимулирующего воздействия на величину предложения ресурсов, то есть не имеет побудительной функции, не влияет на производственный потенциал экономики, а значит, не является необходимой. По этой причине многие экономисты считают ренту излишком.

Обратим внимание на то обстоятельство, что в рентном контексте понятие «излишек» имеет две стороны. С одной стороны, рента-излишек — это рентная плата за пользование ресурсом, которая не оказывает воздействие на наличие (запас) этого ресурса. Д. Ворчестер, анализируя определенный тип условий предложения, выделял «группу производственных факторов, пригодность которых для специфического использования не изменится в результате изменения или даже отмены вознаграждения их владельцев» [3, с. 358]. В общем, «рентой можно было бы пренебречь, и это не оказало бы никакого воздействия на производственный потенциал экономики» [20, с. 177].

С другой стороны, рентная плата является рентным доходом собственника (пользователя) ресурса, и характер этого дохода достаточно точно определяется английским термином *windfall* — незаработанный доход, доход,

не связанный с трудовыми усилиями и усердием, как бы упавший с неба (в России — скорее полученный из-под земли). «Многие люди связывают ренту в основном с использованием активов длительного пользования, а не с избыточными доходами. Рента стала ассоциироваться с избыточными доходами профессиональными экономистами во многом в результате нескольких дискуссий», и сегодня «многие экономисты... рассматривают ренту как главное направление теории распределения», — обращал внимание Д. Ворчестер [3, с. 375].

Слово рента в переводе с французского означает отданная (фр. *rente* от лат. *reddita*). То есть в этимологии самого слова отражается факт передачи части дохода (в товарной или денежной форме) от одного экономического агента другому. Но носит ли эта передача добровольный характер или собственник ресурса «захватывает», присваивает продукт труда другого хозяйствующего субъекта? «Экономическая рента — то, что можно отнять, и человек еще не уйдет», — кратко и точно определил суть феномена известный специалист по экономике труда, профессор М. Соллогуб. Следовательно, существует принципиальная возможность как «захвата», так и «отъема», и перераспределения рентного дохода-излишка. Идеи «отнять и поделить» (перераспределить рентный доход) находят широкую поддержку, активно используются в популистских целях и политиками, и экономистами. В России же «необходимость изъятия и распределения ренты... выдвигается чуть ли не в качестве национальной идеи», — замечают отечественные авторы [16, с. 83]. Тем более что, как показывает мировой опыт, при грамотной рентной политике государства рентные доходы действительно могут стать своего рода аттрактором («притягивающим магнитом») для решения многих социально-экономических проблем.

Е. Кривокопа обращает внимание, что «процесс образования ренты неосуществим без наличия *рентообразующего ресурса*, наделенного свойством исключительности и дающего обладателю данного рентного ресурса возможность *монопольного распоряжения*, как на условиях собственности, так и ведения хозяйства с его использованием (курсив наш. — Л. Д.)» [18]. В данном утверждении заложены возможные источники, с которыми исследователи, в зависимости от своей научной позиции, обычно связывают возникновение рентного дохода. В зависимости от рентного ресурса ими строится классификация видов рентного дохода: административная рента, водная рента, горная, зе-

мельная, интеллектуальная, лесная, статусная, технологическая, финансовая и др.

На иной позиции стоит Е. Карпиков, считая, что «причина ренты — *фиксация монополии* природного ресурса, а не само наличие природного ресурса (курсив наш. — Л. Д.)». Исследователь определяет свою позицию как институциональную рентную парадигму и подчеркивает, что институциональный подход позволяет объяснить, почему рента может появиться как вид добавочной сверхприбыли фактически везде [13, с. 19].

Позицию Е. Карпикова поддерживает и В. Мещеров, по мнению которого несмотря на то, что образование ренты непосредственно связано с теорией трудовой стоимости, «общим моментом для образования любой ренты является наличие *монополии собственности* на рентные ресурсы», и «в общем виде рента выступает как *избыточная монополия* (фиксированная) *прибыль*, и в этом качестве она может быть предметом исследования не только в классической политэкономии, но и в неоклассицизме и институциональной теории (курсив наш. — Л. Д.)» [22, с. 296, 300].

Заметим здесь, что с нашей точки зрения, использование терминов «монополия прибыль», «сверхприбыль», «избыточная прибыль» и т. п. применительно к рентным доходам не вполне корректно. Сошлемся в этой связи на замечание Г. Таллока, который подчеркивает, что «прибыль, как правило, является результатом инвестиций: либо материальных инвестиций, либо интеллекта и трудолюбия», в то время как рентная проблема как раз и заключается в том, что колоссальные суммы денег поступают людям, которые не сделали никаких инвестиций для их получения [32, с. 144].

Нередко исследователи для обозначения подобных прибылей используют термин «квазирента» с разными определениями (технологическая, интеллектуальная). В отличие от ренты, квазирента возникает на некоторый период и, следовательно, является относительно неустойчивой [35].

Р. Солоу связывает феномен ренты с проблемой редкости и использует понятие «рента» не иначе как с дополнением: «рента, порождаемая редкостью» [30, с. 309, 313, 319]. Такой подход близок к позиции А. Маршалла. Более сотни лет назад английский ученый подчеркивал, что «повышение ренты служит посредником, с помощью которого факт возрастания редкости земли, пригодной для овса и других культур, внушается рядовому человеку» [21, с. 130].

Профессор из Израиля Ш. Майталь считает, что «для экономистов экономическая рента — это альтернативные затраты, вычисление того, что могло бы быть. Это разница между тем, что труд и капитал действительно приносят, и наибольшим из того, что они могли бы принести при использовании в другом месте... или при ином инвестировании» [19, с. 64]. То есть лишь в том случае, если труд и капитал создают некую сверхстоимость, дополнительный доход, относительно той добавленной стоимости, которую они могли бы создать где-нибудь еще, возникает экономическая рента.

Схожую позицию занимал основатель неоавстрийской школы экономической теории Л. фон Мизес, отмечая, что «величайшей заслугой теории Рикардо является положение о том, что предельная (маржинальная) земля, то есть самая плохая обрабатываемая земля, не приносит никакой ренты» [23, с. 596, 600]. Заметим в скобках, что эти рассуждения совершенно не согласуются с широко тиражируемой идеей К. Маркса об абсолютной ренте.

«Смотреть на вещи с точки зрения экономиста — это значит систематизировать хорошо известные всем явления с помощью таких понятий, как спрос, альтернативная стоимость, предельный эффект и сравнительная выгода», — подчеркивает П. Хейне [34, с. 699]. Экономический взгляд позволяет подойти к вопросу об источнике ренты, отталкиваясь не от издержек производства, а от спроса. «С незапамятных времен с точки зрения горцев скалы и ледники Альп считались просто бросовой землей. И только когда горожане стали карабкаться на вершины и принесли в долины деньги, жители гор изменили свои взгляды», обнаружив, что «из этой эксцентричности они могут извлекать выгоду», — писал Л. Мизес [23, с. 605].

По логике австрийского ученого, источником выгоды явилась не земля высокогорья как таковая, долгие годы считавшаяся бесполезным нагромождением скал и ледников, а изменение потребительских ее оценок: некоторые представители социума вдруг начали высоко ценить такие места за возможность пережить острые ощущения, испытать чувство гордости и превосходства. Следовательно, важна значимость того или иного фактора для удовлетворения человеческих потребностей. Ценность же фактора, как и возможность извлекать от его использования сверхдоходы, определяется субъективными потребителем оценками этого фактора.

П. Самуэльсон и В. Нордхаус подчеркивают, что если в XIX в. под понятием «рента» английские экономисты подразумевали доход, полученный от использования земли, то в настоящее время это понятие распространяется на доход, уплачиваемый по любому фактору, предложение которого фиксировано, то есть совершенно неэластично по цене [29, с. 285, 793].

Схожее замечание делает В. Рязанов, отмечая, что в современной неоклассической экономической теории рента отождествляется с «любимым чрезмерным доходом (сверхприбылью), прямо не связанным с предпринимательской деятельностью или с дополнительными трудовыми усилиями» [27, с. 170]. Например, заработная плата работника сверх определенной величины (так называемой резервной зарплаты, определяемой издержками упущенных возможностей) трактуется как получение экономической ренты. Факт использования в научном сообществе расширительной трактовки ренты ученый связывает с потребностью объяснения природы появления устойчивой избыточной прибыли в разных секторах экономики в условиях НТП [26, с. 4].

Л. Мизес вообще возражал против приписываемого теории ренты исключительного положения в сложной экономической системе. По его мнению, «изошренное различие между рентой и квазирентой ложно», поскольку «дифференциальная рента представляет собой всеобщий феномен». Например, работа с помощью более эффективных инструментов приносит «ренту», в сравнении с отдачей от использования худших инструментов, именно потому, что «снабжение более пригодным инструментарием недостаточно», а более способные рабочие зарабатывают ренту по сравнению с заработной платой, получаемой менее квалифицированными работниками. Землю же и оказываемые ею услуги следует трактовать точно так же, как и остальные ресурсы производства и их услуги, подчеркивал ученый [23, с. 595].

Стоит заметить, что позицию Л. Мизеса разделяют многие исследователи. В свое время (1940-е гг.) Д. Ворчестер обращал внимание на тот факт, что «в настоящее время растущая группа экономистов... определяют ренту таким образом, какой в равной степени приложим к любому фактору производства, причем это определение включает только часть всех платежей хозяйствующему субъекту (курсив наш. — Л. Д.)» [3, с. 356].

Вообще, Д.А. Ворчестер считал необходимым проводить различие в анализе рентной

проблематики по крайней мере между тремя группами экономистов-теоретиков: классиками (к их числу он относил и А. Маршалла); неоклассиками (У. Джевонс, Г. Дэвенпорт), полагавшими, что «подход, основанный на анализе предельной производительности, превосходит остаточный подход»; паретианцами (Д. Робинсон, К.Е. Боулдинг, Х.Д. Хендерсон), которые хотя и внесли новые детали в классическую и неоклассическую системы, серьезно ослабили значение термина «рента». А именно: ренту они определяют «не как нормальный доход определенной группы факторов производства, а как доход какого-либо фактора, превышающий тот его уровень, который необходим для удержания его занятости в данной сфере использования». Рента — это платеж, «который может получить любой фактор независимо от того, прекратится ли его предложение в пригодной для использования форме в случае, если его владелец не будет получать вознаграждение, или нет» [3, с. 357, 362, 376].

Современные исследователи считают правомерным исследование рентных отношений «на основе теории стоимости в сочетании с определенными постулатами неоклассики, а также в использовании институциональных методов исследования» [22, с. 296]. В частности, такой подход продуктивен в рамках исследования феномена ренты как ложной социальной стоимости.

Еще Д. Рикардо обращал внимание на то, что если продукт реализуется по цене, превышающей затраты на его производство, часть содержащейся в цене стоимости не увеличивает общественного богатства. «Эту стоимость, не составляющую общественного (социального) богатства, Маркс позднее назвал... обманчивой социальной стоимостью» и связывал ее с дифференциальной рентой, отмечает О. Николайчук [24, с. 14].

«Проблема разрыва между рыночной стоимостью товара и стоимостью — индивидуальной стоимостью в обмене — имеет общее значение для всего воспроизводственного процесса как национальной, так и мировой экономики, поскольку в ее рамках возникает... громадная масса фиктивной стоимости,» — пишет В. Мещеров [22, с. 297]. Синонимом понятия «фиктивная стоимость» является «ложная социальная стоимость» (в терминологии К. Маркса). Для анализа феномена ренты как фиктивной стоимости исследователь выделяет в реальном секторе экономики два взаимосвязанных рыночных сегмента: стоимостный и рентный. В стоимостном сегменте рождается

действительная стоимость, в то время как в рентном сегменте возникает фиктивная стоимость. «Рентный рынок есть надстройка над стоимостным рынком совершенной конкуренции. Для нерентных отраслей и сфер производства рыночная стоимость совпадает с действительной стоимостью, а для рентных она больше ее на величину фиктивной стоимости» [22, с. 297].

Из этих рассуждений явно следует тот вывод, что фиктивная стоимость (рента) образуется во всех отраслях и сферах современного производства, поскольку рынок совершенной конкуренции, как это давно отмечено в экономической литературе, является скорее мыслительной конструкцией, нежели экономической реальностью. Однако В. Мещеров утверждает, что «логически можно в современной экономике выделить определенные сферы рыночных отношений, где отсутствует влияние монополии на ценообразование» и связывает эти сферы с финансовым рынком. Эти сферы ученый рассматривает как элементы стоимостного сегмента, существующего в рамках свободной конкуренции [22, с. 301].

Мы сомневаемся в обоснованности такого подхода в целом, и особенно — применительно к современному финансовому рынку. Переосмысление многочисленных литературных источников подводит нас к следующим рассуждениям и выводам.

Специалисты выделяют три сегмента современной сферы услуг. Услуги, связанные с материальной стороной жизни человека, здравоохранением, образованием, функционированием отраслей материального производства, относятся к материальному сегменту. Второй сегмент — финансовый, а третий — развлекательный (индустрия досуга), представленный всеми видами деятельности, направленными на удовлетворение потребностей человека, обусловленных досугом [5, с. 35, 36]. Именно два последних сегмента с конца 1960-х гг. росли наиболее быстрыми темпами в экономике развитых стран мира. В результате, к началу XXI в. структура мирового хозяйства радикально изменилась из-за чрезмерного расширения финансового и развлекательного сегментов сферы услуг.

Финансовый сегмент сферы услуг и индустрия досуга предлагают на рынок «сущности», к которым можно применить термин симулякр¹. Так, на современных фондовых рынках кроме

¹ Понятие симулякр (*simulacrum* (англ.) — видимость) было введено в оборот еще Платоном (копия копии). В наше время под симулякром понимают поверхностный

акций, облигаций и других бумаг, за которыми стоят реальные активы, предметом активной торговли являются производные финансовые инструменты (деривативы), такие как опционы, свопы, фьючерсы. В результате объемы финансовых рынков значительно превышают объемы ВВП. Например, если в 1991 г. общая стоимость деривативов была эквивалентна 1/3 ВВП мира, то в 2007 г. она превышала его уже в 11 раз. В 2009 г. стоимость мирового ВВП составила 55 трлн долл., а общая стоимость деривативов всех видов достигла 900 трлн долл. [8, с. 44].

Исследователи отмечают пагубное воздействие симулякров на культуру и этику современного человека, примитивное поведение которого ведет к деградации среды обитания и разрушению стабилизационных социальных механизмов [11]. Стал уже банальной констатацией тот факт, что многие современные услуги, являясь функционально избыточными, не содействуют гармоничному развитию человека и не способствуют его нравственному возвышению. Напротив, потребление симулякров всех видов упрощает духовные потребности людей, низводит культуру до уровня субкультуры, стимулирует ощущение постоянной неудовлетворенности, ненасытности у потребителей. Парадоксальным образом в жизни современного человека переплетаются феномен избыточности, перенасыщения и синдром относительной лишенности, с сопутствующими психологическими, социальными, экономическими издержками. Ощущение лишенности активно подогревается рынком, прежде всего, рекламой. Рынок симулякров заставляет людей «хотеть» значительно больше, чем нужно для нормальной жизни, культивирует престижные, демонстрационные потребности, создает спрос на то, что выходит за рамки разумных человеческих нужд.

На перенасыщенных рынках однотипных товаров и услуг самым дефицитным ресурсом является внимание потребителей (целевой аудитории, в терминологии маркетологов). Традиционная конкуренция между продавцами (по цене, качеству) смещается в другую плоскость: фирмы соревнуются в объеме рекламы и силе бренда. Брендинг (формирование и разработка бренда) превратился в основной инструмент продвижения продукта и обеспечения его успеха у потребителя. В конце прошлого века брендинг стал универсальной технологией создания фиктивной (ложной соци-

объект, за которым не стоит какая-либо реальность, репрезентацию чего-то, что на самом деле не существует.

альной) стоимости, значительно превышающей стоимость реальных активов, вовлеченных в производственный процесс, поскольку образы (имиджи), ассоциирующиеся с продуктом или фирмой, не просто ориентируют потребителей в выборе, но собственно и являются предметом потребления. Новые объекты потребления — образы (симулякры) — приносят колоссальные доходы своим производителям. Так в конце XX в. отношение рыночной стоимости активов американской экономики к их бухгалтерским оценкам составляло в среднем более двух, а для фирм с известными брендами разрыв составлял более десяти [7, с. 42]. После кризисов 2000 г. и 2008 г., когда «схлопнулись пузыри» соответственно на рынках акций «доткомов» (интернет-компаний) и деривативов, рыночная стоимость брендовых компаний несколько уменьшилась, но уже в 2010 г. стоимость, например, бренда Coca-Cola в 1,5 раза превышала совокупную стоимость активов компании, заявленной в корпоративном отчете; стоимость бренда Google была выше балансовой стоимости активов компании в 3 раза [9, с. 44-45].

Приведенные рассуждения позволяют нам сделать вывод о том, что в современной экономике перераспределений и спекуляций источник рентных сверхдоходов следует связывать не столько со сферой производства благ, сколько со сферой их обмена и потребления. Что касается ренты как ложной социальной стоимости, то основной ее источник в современной экономике — это рынки симулякров: финансовые, развлекательные, брендовые, сверхновой индустрии (индустрии роскоши, моды, красоты и т. п.).

Виды ренты и механизмы ее экономической реализации определяются уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Например, земельная рента, будучи исходным видом природной ренты, последовательно принимала формы отработочной (барщина), продуктовой (оброк), денежной ренты, характерной для развитой системы рыночных отношений.

Существует точка зрения, что рассмотрение природной ренты «при капитализме» или «при социализме» является надуманной идеологической конструкцией, поскольку природная рента выступает общеисторической категорией товарного производства, а механизм распределения ренты, справедливый для всех связанных с ней участников, формируется при социальной ориентированности капиталистического производства. Концептуальные ос-

новы рентных отношений едины, во-первых, в общеисторическом плане развития товарного производства и, во-вторых, для всех рентообразующих отраслей, как пишет И. Буздалов. А значит, на примере одной отрасли (например, сельскохозяйственной) можно конкретизировать общий концептуальный подход к проблеме [2, с. 26, 27].

В связи с таким подходом возникает несколько соображений. По нашему мнению, во-первых, в ходе развития капиталистического способа производства концептуальные основы рентных отношений в чем-то остаются прежними, а в чем-то существенно меняются, и, во-вторых, требуют отдельного анализа для разных отраслей, в которых действуют рентообразующие факторы.

Так, если природная рента извлекается, то есть появляется в результате хозяйственной деятельности, то административная, политическая рента являются одной из форм перераспределения дохода (возможно, той же природной ренты, хотя и необязательно). Если природная рента является частью ВВП и положительно влияет на его объем, то административно-политическая рента, будучи перераспределенной формой дохода, не увеличивает валовой продукт. Если природная рента имеет объективную (физическую) природу, то административно-политическая рента обусловлена особенностями институциональной системы, а, например, ценовая рента носит рыночно-конъюнктурный характер. Если условием получения природной ренты является контроль доступа к редким природным ресурсам, то условием получения административной ренты выступает контроль над условиями совершения сделки (транзакции). Причем контроль этот не ограничивается рамками природно-ресурсных отраслей: техники ограничения действуют «во всех российских регионах, какими бы бедными с точки зрения природных ресурсов они ни были» и «применяются в отношении различных типов бизнеса — от малых предприятий до крупных корпораций», — отмечают исследователи [25, с. 59].

Кроме того, сама природная рента неоднородна. В ней выделяют два вида — земельная и горная рента, в каждом из которых различают подвиды. Например, в земельной ренте различают сельскохозяйственную ренту, лесную, водную и др., а в горной ренте — нефтяную, газовую, минеральную.

Сформулированная А. Смитом, Д. Рикардо, Дж. С. Миллем, К. Марксом общая теория ренты соответствовала ситуации, когда эко-

номика даже развитых стран носила аграрный характер, определялась в основном сельским хозяйством. В XVIII и даже в XIX вв. промышленная индустрия только зарождалась, а международная специализация и разделение труда не имели того значения, которое им отводится в современном мировом хозяйстве. Цены на сельскохозяйственную продукцию не подвергались резким конъюнктурно-спекулятивным перепадам и определялись, главным образом, внутренними затратами производства. Земельная рента составляла незначительную долю в стоимости сельхозпродукции и не приносила баснословных сверхдоходов. «На частнособственническом присвоении ренты нельзя было за короткий период стать олигархами» [15, с. 15]. Не лежала земельная рента и в основе политических и экономических кризисов, налоговой системы развитых стран. А поскольку ее реализация происходила внутри национального хозяйства, странам, щедро наделенным рентными ресурсами, не предъявлялись обвинения в «ресурсном национализме». В общем, рента занимала скромное место и в экономике, и в политике.

В XX в., особенно во второй его половине, положение изменилось. Индустриализация, основанная на потреблении минеральных ресурсов, находящихся в недрах земли, имела своим побочным эффектом выдвигание на первый план горной ренты [36]. Интенсификация международных хозяйственных отношений и становление мирового хозяйства обусловили относительную независимость цен на минерально-сырьевые ресурсы от стоимости их добычи в рамках национальных хозяйств, что предопределило появление конъюнктурной ценовой ренты, как разницы между ценами мирового рынка и внутристрановой себестоимостью добычи ресурсно-сырьевой продукции. Причем, нередко ценовая рента по своим размерам превышает горную.

«Необходимы две теории ренты», — к такому выводу 70 лет назад пришел Д. Ворчестер [3, с. 368]. Две — это как минимум, добавим мы.

Прокомментируем следующее, довольно распространенное среди исследователей убеждение. Так, И. Буздалов пишет: «Чтобы иметь в собственности землю... покупатель земельного участка затрачивает на обладание им денежный эквивалент так называемого „абстрактного“ труда. На это уходят многие годы... работы человека в разных отраслях и сферах экономики. Поэтому, сдавая землю арендатору-предпринимателю, частный владелец земельного участка... присваивает ренту на

бесспорных экономических, социальных, правовых основаниях и... получает ее „по труду”... Противоречия между субъектами, участвующими в образовании и распределении ренты, существуют, но они не носят «эксплуататорского» характера..., как это декларировалось в марксистской... теории» [2, с. 28].

На протяжении всей истории человечества при любых формациях и цивилизациях жизнь общества сохраняла трудовую основу. Во все времена характер и содержание труда определяли образ жизнедеятельности человека и общества в целом. Иного способа проявить себя, реализовать свои знания, способности, кроме как через труд, в природе человеческого общества не заложено. Именно труд, оснащенный технически, обогащенный технологически, облагороженный знаниями, создавал условия жизни человека, воплощал прогресс человечества. В основе расширенного воспроизводства всегда лежал производительный труд. П. Игнатовский пишет: «В реальной действительности нет экономических процессов, отношений и социально значимых результатов... вне связи с трудом и его созидательной... силой. И эти взаимосвязи настолько реально незаменимы, что воспринимаются как воздух в жизни человека» [10, с. 3].

Однако современный мир находится в состоянии резких перемен. В последнее время все большее число исследователей фиксируют отклонение от трудовой сущности экономики, от самой категории производительного труда. Сегодня характер и содержание труда меняется кардинально, а стоимость порождается не столько производством как таковым, сколько приложением к производственному процессу новых идей, инноваций. В этой связи происходит трансформация понимания традиционных экономических категорий труда и капитала, а трудовая теория стоимости сменяется теорией ценности знаний. И это неудивительно, учитывая, что в характеристике информационного общества неявно присутствует тезис о смещении основной сферы применения труда из материального производства в нематериальное. «Исследовать, анализировать, разрабатывать, организовывать, управлять, консультировать, информировать — вот типичные трудовые задачи сегодня,» — констатируют специалисты [31, с. 94].

В прежние годы накопление капитала действительно осуществлялось в течение многих лет, иногда вбивавших жизни нескольких поколений капиталистов, что в значительной степени служило «моральным оправданием»

претензий собственников, подтвердивших свою эффективность реальным делом, на большую часть добавленной стоимости. В настоящее же время создание колоссальных объемов капитала может занять несколько минут.

В подтверждение наших рассуждений приведем отрывок из романа М. Уэльбека «Платформа» (ведь, как говорят, писатели обладают даром замечать типичное в реальности): «Выпускники Высшей Коммерческой школы, совсем еще молодые, иные так просто студенты, даже и не думали устраиваться на работу, а сразу пускались в биржевые спекуляции. Подключались к Интернету, оснащали компьютеры новейшими программами наблюдения за рынком. Иногда объединялись в клубы и тогда получали возможность распоряжаться более значительными средствами. Так возле своих компьютеров и жили, работали посменно двадцать четыре часа в сутки, никогда не брали отпусков. У них у всех была одна простая цель — к тридцати годам стать миллионерами» [33, с. 136].

Стать миллиардерами, реально не создав ничего, просто оперируя цифрами, бегущими на экране монитора! Перед нами противоречие, которое затрагивает не только производственно-экономическую систему общества, но и всю совокупность общественного развития, включая духовную сторону. Отрыв от трудовых истоков производства пагубен не только с экономической, но и социальной точки зрения. Он искажает общественную мораль и философию труда; оправдывает подмену материального созидания в виде продукта спекулятивной наживой, под которой нет материальной основы. В этом контексте идея о том, что собственник рентообразующего ресурса присваивает ренту «по труду», с нашей точки зрения, является сомнительной. Ведь суть рентного дохода (заметим, как и социально-экономических противоречий и проблем, связанных с рентой) как раз и заключается в том, что субъект получает доход, величина которого превышает предельный доход продукта труда (предельный вклад) данного субъекта как участника общественного процесса воспроизводства.

Что же касается положения о том, что противоречия между субъектами рентных отношений «не носят эксплуататорского характера, как это декларировалось в марксистской экономической теории», то сошлемся на определение эксплуатации, которое приводит В. Иноземцев: «Эксплуатация представляет собой насильственное или основанное на соблудении принятых юридических норм отчуж-

дение у производителя в пользу иных индивидов, организаций или общества в целом некоего количества создаваемого им продукта» [12, с.156]. Феномен эксплуатации обусловлен противоположностью материальных интересов экономических субъектов, на что указывал еще А. Смит, отмечая, что интересы буржуа и наемных работников отнюдь не тождественны: рабочие хотят получать как можно больше, а хозяева — заплатить им как можно меньше. К. Маркс развил эту идею, обосновав в качестве цели капиталистического способа производства извлечение прибавочной стоимости, то есть того избытка, который можно изъять у непосредственного производителя.

Как определяет сам И. Буздалов, «рента есть цена, уплачиваемая собственнику средств производства... не связанная с непосредственной предпринимательской деятельностью этого собственника» [2, с. 28].

И куда же в таком случае исчезает эксплуатация из рентных отношений, если идея эксплуатации заложена уже в самом определении ренты? Мы считаем, что если что и остается неизменным в концептуальных основах рентных отношений, так это их эксплуататорский характер. Вопрос лишь в том, кто является объектом эксплуатации, в чьих интересах она осуществляется, и до какой степени справедливой полагается в социуме.

Например, Д. Иванов считает, в современной экономике объектом эксплуатации и, соответственно, извлечения рентных доходов является не традиционный работник, а «креативный потребитель, стремящийся быть частью тренда» [9, с. 57].

По нашему мнению, объектом эксплуатации современного бизнеса становится общество как таковое. Например, реализация набирающей популярность краудсорсинга¹, хотя и прикрывается маской заботы о благе потребителя, с которым фирма якобы «находится в одной лодке», является, по сути, новой формой эксплуатации, появившейся благодаря возможности виртуальных коммуникаций «всех со всеми». В данном случае предметом эксплуатации выступает интеллектуальный и креативный потенциал «широкой публики» (толпы), реализация которого приносит компаниям немалые сверхдоходы, при минимуме затрат. Мы понимаем, что проблема эксплуатации не

сводится только к объективистской составляющей, что человек может не ощущать и даже не считать, что является объектом эксплуатации, но, тем не менее, неэквивалентный обмен в краудсорсинге, что называется, налицо. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь.

А что значит — «справедливый характер рентных отношений», ведь справедливость — понятие нормативное? Следует ли, например, учитывать интересы третьих лиц, не являющихся непосредственными участниками процесса воспроизводства, и насколько широко следует распространять понятие «третьи лица»? И что следует предпринять, если в рентных отношениях нарушена справедливость? На последний вопрос исследователи дают разные ответы.

Так, И. Буздалов, хотя и признает, что социальную справедливость в отношении рентных доходов в России можно восстановить лишь проведя ренационализацию добывающих отраслей, то есть, отменив прежние условия приватизации и установив новые, предусматривающие 100%-ную оплату соответствующих предприятий, характеризует призывы пересмотреть итоги приватизации как псевдопатриотические. Академик считает, что такая акция может вызвать непредсказуемые последствия и перечеркнуть идею и концепцию рыночных реформ в России [2, с. 25].

Схожую позицию занимают С. Кимельман и С. Андрушин. Констатируя факт приватизации ренты, ученые считают, что «национализация сегодня недопустима», что «призывы отнять и поделить ренту в современных российских условиях лишены... практического смысла и экономического обоснования» [16, с. 83, 84].

Иная точка зрения на этот счет у В. Рязанова. Мы разделяем позицию ученого в отношении того, что «экономико-правовые критерии не должны отрываться от этически нравственной составляющей», и поддерживаем тезис, что нельзя всю сложность и неоднозначность пост-приватизационного периода в России свести к проблеме спецификации прав собственности и их закрепления через снятие с повестки вопроса о целесообразности деприватизационных мероприятий [31, с. 288]. Тем более что относительное благополучие большинства стран — экспортеров нефти имеет своей точкой отсчета

¹ Термин *crowdsourcing* введен в лексикон в 2006 г., и происходит от англ. *crowd* — толпа, *source* — источник. Согласно концепции краудсорсинга, фирме следует искать новые идеи, подходы, решения и т. п. за пределами компании, обращаясь за советом «к публике».

² Не секрет, что в последние годы в мировом общественном, политическом и деловом сознании популярность приобретает та мысль, что национальный природный потенциал той или иной страны следует рассматривать не как ее исконное национальное богатство, но как достояние всего человечества.

национализацию сырьевых компаний. Как промежуточный вариант, возможно введение государственной монополии на экспорт сырьевых ресурсов, прежде всего нефти и нефтепродуктов. Кроме того, возвращение активов государству — не единственная альтернатива частнособственническому укладу, фактически сложившемуся в ресурсном секторе современной российской экономики. В. Рязанов обращает внимание на то, что высокодоходный ресурсный сектор хозяйства является подходящим объектом для использования общественных форм собственности, примером чему является успешно апробированная модель рентных отношений на основе общественной собственности в американском штате Аляска, в Норвегии [28, с. 299-300].

В отличие от частной собственности, к общественной собственности категории рыночной эффективности неприменимы. Например, существовавшие в советской плановой экономике искусственно заниженные тарифы на электроэнергетические ресурсы, транспортные услуги не имели отношения к микроэкономической эффективности, но «работали» на народнохозяйственную общесистемную эффективность. Как отмечает А. Амосов, «энергетическая система СССР и транспорт создавались... на средства всего советского народа. Народное хозяйство и граждане, потратив общественные средства, получали затем долгосрочный эффект в виде дешевой электроэнергии и низких тарифов на транспорте» [1, с. 24].

Еще более решительную позицию в этом вопросе занимает С. Губанов. «Необходимо заменить экспортно-сырьевую модель (сложившуюся в России. — Л. Д.) планово-интегрированной системой неиндустриального воспроизводства,» — пишет ученый. «Обязательной... предпосылкой для этого выступает стратегическая национализация: земли, электроэнергетики, других инфраструктурных монополий... Правительство РФ хотело бы ограничиться существующей бюджетной национализацией экспортно-сырьевой ренты и не трогать отношения собственности. Но это позиция для прошлого, а не настоящего. Она пришла в противоречие с реалиями и вызовами времени» [4, с. 10].

Кто (субъекты) или что (институты) не позволяет сформировать адекватный и справедливый рентный механизм в современной России?

«Следует осознать, что когда экономисты исследуют работу экономики, они имеют дело с воздействиями отдельных лиц или организа-

ций на других, работающих в той же системе... Если бы не было таких воздействий, не существовало бы подлежащих изучению экономических систем», — писал Р. Коуз [17, с. 28]. При этом в любой экономической системе характер воздействий опосредован фактом неравенства в распределении ресурсов и властных полномочий среди субъектов экономики.

Согласимся с таким подходом. Действительно, экономическая реальность становится той или иной в ходе непосредственной хозяйственной деятельности людей. Следовательно, на нее влияют как объективные связи и зависимости между процессами и явлениями хозяйственной практики, так и субъективные интересы и мотивы отдельных индивидов и групп, носящие противоречивый, нередко конфликтный характер. Например, на первый взгляд, в сырьевом сегменте российской экономики ключевыми являются отношения между собственником сырьевого ресурса, каковым, согласно Конституции страны, в России является все общество в лице государства, и пользователями-арендаторами по поводу присвоения и распределения ренты как сверхдохода. Но «от имени и по поручению» государства как абстрактного института в рентные отношения вступают вполне конкретные чиновники; правовые нормы, регулирующие эти отношения, утверждают конкретные политики; а в случае конфликтных ситуаций к их разрешению подключаются конкретные субъекты.

Необходимо учитывать стимулы тех экономических и политических агентов, которые влияют на процессы развития, и тот факт, что рента может снижать стимулы к улучшению качества институциональных структур. Например, с одной стороны, политики могут быть заинтересованы в экономическом росте, но с другой — стремятся получать властную (административную, статусную) ренту. В результате в стране складывается нездоровая институциональная среда социально-экономических отношений. Признаком «нездоровья» является тот факт, что институты власти, собственности, правопорядка и пр. позволяют получать огромные индивидуальные доходы вне связи с вкладом субъекта в национальную систему воспроизводства. Более того, становится возможным извлекать индивидуальные доходы даже при «отрицательном» вкладе [6]. Такие доходы как раз и характеризуются как рентные. Возможности, как известно, порождают желания. Принципиальная возможность получения незаработанных (незаслуженных,

непродуктивных) доходов обуславливает соответствующие интересы и мотивы деятельности субъектов экономической системы (рентные интересы), которые, в свою очередь, детерминируют их рентоориентированное поведение

и непродуктивную деятельность. По нашему мнению, рентоискательство — вот ключ к ответу на многие хозяйственные, социальные и политические вопросы в современной России.

Список источников

1. Амосов А. Размышления об идеологии развития // Экономист. — 2010. — № 7.
2. Буздалов И. Природная рента как категория рыночной экономики // Вопросы экономики. — 2004. — №3.
3. Ворчестер Д. А. Пересмотр теории ренты // Вехи экономической мысли. Т. 3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В. М. Гальперина. — СПб. : Экономическая школа, 2000.
4. Губанов С. Вероятна ли рецессия — 2012? // Экономист. — 2012. — №1.
5. Данилов-Данильян В. Глобальный кризис как следствие структурных сдвигов в экономике // Вопросы экономики. — 2009. — №7.
6. Дементьев В. Система власти и рентное поведение в переходной экономике. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sustainable-cities-net.org.ua/publicationshow.php?id=186> (дата обращения: 15.06.2012)
7. Демидова Л. Сфера услуг. Изменение динамики производительности // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — №12.
8. Дзарасов Р. Кризис капитализма и общественный строй новой России // Политические исследования (ПОЛИС). — 2011. — №4.
9. Иванов Д. Гламурный капитализм. Логика «сверхновой» экономики // Вопросы экономики. — 2011. — №8.
10. Игнатовский П. К развитию на основе труда // Экономист. — 2005. — №7.
11. Ильин А. Массовая культура и субкультуры современного общества: специфика соотношения // Общественные науки и современность. — 2011. — №4.
12. Иноземцев В. Современное постиндустриальное общество. Природа, противоречие, перспективы. — М. : Логос, 2000.
13. Карпиков Е. «Свежий» взгляд на рентную проблему // Экономические науки. — 2004. — №6.
14. Кимельман С. Горная и ценовая рента в современной российской экономике // Вопросы экономики. — 2010. — №7.
15. Кимельман С. Интегрированная ресурсно-перерабатывающая модель // Экономист. — 2012. — №1.
16. Кимельман С., Андрияшин С. Экономика рентных отношений в условиях современной России // Вопросы экономики. — 2005. — №2.
17. Коуз Р. Фирма, рынок и право. — М. : Дело ЛТД; Catallaxy, 1993.
18. Кривокора Е. Особенности формирования коммуникационной квазиренты // International Scientific Analytical Project. [Электронный ресурс]. URL: <http://gisap.eu/ru/node/1169> (дата обращения: 15.06.2012).
19. Майталь Ш. Экономика для менеджеров. Десять важных инструментов для руководителей. — М. : Дело, 1996.
20. Макконнелл К. Р., Брю С. Л. Экономикс. Принципы, проблемы и политика : в 2-х т.: Т. 2. — М. : Республика, 1992.
21. Маршалл А. Принципы политической экономии. Т. 2. — М. : Изд-во Прогресс, 1984.
22. Мецеров В. Рыночный механизм рентных отношений в мировой экономике // Экономические науки. — 2010. — №11.
23. Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. — Челябинск : Социум, 2005.
24. Николайчук О. Земельная рента в системе аграрных отношений. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2003.
25. Олейник А. О природе и причинах административной ренты. Особенности ведения бизнеса в российском регионе N // Вопросы экономики. — 2010. — №5.
26. Рязанов В. От рентной экономики к новой индустриализации России // Экономист. 2011. — №8.
27. Рязанов В. Рента как ключевая проблема современного экономического развития России // Философия хозяйства. — 2004. — №6.
28. Рязанов В. Хозяйственный строй России: на пути к другой экономике : сб. статей. — СПб. : Издат. дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2009.
29. Самуэльсон П., Нордхаус В. Экономика. — М.: БИНОМ, 1997.
30. Солоу Р. М. Экономическая теория ресурсов, или ресурсы экономической теории. Лекция в честь Ричарда Т. Эли // Вехи экономической мысли. Т. 3. Рынки факторов производства / Под общ. ред. В. М. Гальперина. — СПб. Экономическая школа, 2000.
31. Стребков Д., Шевчук А. Электронная самозанятость в России // Вопросы экономики. — 2011. — №10.
32. Таллок Г. Общественные блага, перераспределение и поиск ренты. — М. : Изд. Ин-та Гайдара, 2011.
33. Уэльбек М. Платформа. — СПб.: Издательская группа «Азбука — классика», 2009.
34. Хейне П. Экономический образ мышления. — М. : Catallaxy, 1997.

35. Яковец Ю. Рента, антирента, квазирента в глобально-цивилизационном измерении. — М. : ИКЦ «Академкнига», 2003.

36. *Yergin D.* The PRIZE: The Epic Quest for Oil, Money & Power. — New York, London, Toronto, Sydney : FREE PRESS, 2008.

УДК 330.101

Ключевые слова: рента, рентные доходы, прибыль, ложная стоимость, симулякр, рентоориентированное поведение